

НАША СТРАНА

Год издания — 38-ой. Буэнос Айрес, суббота 21 июня 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 21 de junio de 1986 No. 1873

А. ФЕДОСЕЕВ

ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕМ УСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВА

СОЦИАЛЬНОЕ РАВНОВЕСИЕ

(ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА)

1.

Результаты моих двадцатилетних (с середины шестидесятых годов) исследований экономики и социальных условий по всему миру оказались необычными и, как я думаю, очень важными для любой страны. Я пришел к заключению, что экономический застой или депрессия, понижение во многих случаях уровня жизни, инфляция, безработица (открытая или скрытая), рост нищеты, интенсивная "классовая" борьба и даже нехватка (дефицит) денег у правительств неотделимы друг от друга и имеют одну общую причину: отсутствие социального равновесия. Объяснение дается ниже.

Любые товары и любые услуги создаются и производятся в любой стране трудящимися: инженерами, учеными, техниками, рабочими, артистами, художниками, ремесленниками и т. д. и т. п. Вся материальная и духовная культура любой страны создана ими. Ничто не валится с неба. Ничто не создается и не производится правительствами, профсоюзами или партиями, самими по себе. Трудящиеся являются источником всего. Поэтому именно они ответственны и за процветание и за нищету любой страны. Вопрос заключается в том, почему трудящиеся часто очень плохо работают и ввергают свою страну в вышеуказанные бедствия?

Из всего колоссального разнообразия духовных и материальных, высоких и низменных мотивов трудящихся, побуждающих их к обязательной работе (без этой обязательной работы ни одно общество существовать не может), я выберу самый общий, самый универсальный и в нашем случае самый важный мотив: желание трудящегося получить максимальную зарплату за минимальный обязательный труд в наилучших условиях. В зарплату, конечно, нужно включить и любые привилегии, как всякие премиальные, субсидируемые служебные столовые, транспорт, жилища и т. д. и т. п.

Нетрудно видеть, к чему это желание ведет, если оно будет удовлетворяться беспрепятственно. Меньше и хуже вложенный труд — меньше производится товаров и услуг, а их качество ухудшается. Высокая зарплата за меньший и менее качественный труд ведет к более высоким ценам, к тому же за некачественные товары и услуги, то есть ведет к инфляции. Высокие цены за менее качественные товары и услуги ведут к уменьшению спроса и ведут к разорению предприятий, их производящих (скрытому при социализме и открытому на Западе). Инфляция приводит и к трудностям экспорта: слишком дорогие и плохие товары и услуги за границей не покупают. Это все приводит к безработице. Безработица и инфляция ведут к росту нищеты. Растет контраст между

Уже давно поднятая на страницах "Нашей Страны" дискуссия о будущем устройстве государства (например: "Завтрашний правящий класс", В. Лешина, в № 1780; "О будущем устройстве государства", Е. Кармазина, в № 1820 и т. д.), настоящей статьей А. П. Федосеева углубляется и простирается на область теории современного общества. Редакция предлагает своим сотрудникам и читателям расширить эту дискуссию в направлении обсуждения всех вопросов, имеющих неотложное практическое значение в устройстве грядущей России, после окончательного и полного преодоления социализма. Причем, учитывая коренную необходимость предупредить всякую возможность всякого социалистического рецидива, даже под другой вывеской. Уточнение монархической формы грядущей России и роли Православия, а также и отношения к тем или иным сепаратизмам оставляются на второй этап дискуссии, ввиду их остроты и важности.

бедными и богатыми. Обостряется "классовая" борьба. (Классовая в кавычках потому, что от нее капиталисты или богатые не страдают, а страдает свой же брат-трудящийся, то есть это не классовая борьба, а борьба одних трудящихся за свои шкурные интересы против других трудящихся).

Все это, вместе взятое, ведет к резкому возрастанию всяких "социальных" нужд и к всеобщим и чрезвычайно многочисленным требованиям к правительству: дай денег на то, дай денег на это; сделай то, сделай это. В то же время, доходы государства уменьшаются и получается резкая нехватка государственных финансов. В особенности, если нужно платить пособия по безработице и старикам. Ясно, что эти интересы трудящихся, если им нет достаточного противодействия, ведут к разрушению благосостояния самих трудящихся и к разрушению благосостояния всей страны.

Очевидна необходимость существования некоторой, достаточно мощной, действующей в противоположную сторону, противодействующая тенденции экономического самоубийства трудящихся: силы, способной выжать из трудящихся больше и качественнее труда в не слишком шикарных условиях за меньшую зарплату.

Положительное равновесие между этими двумя противодействующими силами, то есть социальное равновесие (социальный баланс) и может ликвидировать указанные выше беды трудящихся и привести страну и трудящихся к материальному и духовному процветанию. И духовному потому, что занятие целесообразным и производительным трудом (по заповеди Христа) ведет к здоровому самосознанию.

ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ, ЭТА ЧУДЕСНАЯ СИЛА?

1. Самая могущественная сила в мире и в истории — государственная социалистическая диктатура СССР или Польши, ГДР, Венгрии, Чехо-

словакии, Румынии, Кубы, Эфиопии, Вьетнама, Северной Кореи и т. д., в совокупности с их соответствующими КГБ и аппаратами насилия, оказываются неспособными решить задачу. Население всех социалистических стран остается более или менее нищим по сравнению, скажем, со странами Запада: заставить своих трудящихся производительно трудиться не в состоянии даже такая колоссальная сила, какая есть у социалистической диктатуры. Это значит, что задача не может быть решена и никакой другой государственной силой. Прошу учесть, что в социалистических странах нет капиталистов — все, включая Политбюро, являются наемными трудящимися.

2. Демократически избранные правительства Запада, как правило, тоже неспособны выполнить задачу. Они зависят от голосов избирателей и вынуждены этих избирателей своими программами подкупать. Трудящиеся же представляют собой большинство избирателей. Поэтому правительства и стараются угодить этим самым экономическому самоубийству.

3. Управляющие (начальники) государственных предприятий и корпораций Запада также не в состоянии выполнить задачу. Они тоже являются наемными трудящимися. Они управляют не своим имуществом и распоряжаются не своими деньгами. Они также зависят в своей работе от степени сотрудничества их подчиненных. Поэтому они используют государственные финансы для подкупа этих своих подчиненных. (Если их подчиненные откажут им в сотрудничестве, им долго не усидеть на месте.) Как и их коллеги в социалистических странах, они не в состоянии должным образом противодействовать своим подчиненным трудящимся. Как правило, управляющие государственным имуществом разоряют свою страну, действуя заодно со своими подчиненными. За очень редким и кратковременным исключением все государственные предприятия работают на убыток.

4. Управляющие общественной

(акционеров) собственностью, то есть корпорациями тоже не в состоянии выполнить задачу. Они тоже являются наемными трудящимися. Они тоже управляют не своим имуществом и распоряжаются не своими деньгами.

По специальному исследованию финансов британских корпораций, предпринятому знаменитой фирмой "Америкен Экспресс", оказалось:

1) 2,6 миллионов менеджеров британских корпораций истратили в 1984 году на свои банкеты, увеселения, путешествия, отели, транспорт 17,4 миллиарда (биллиона) фунтов стерлингов. Сравните эту цифру со всем британским бюджетом обороны в 18 миллиардов. Это наряду с чрезвычайно щедрыми зарплатами и привилегиями (вроде служебных шифров и шикарных автомобилей, бесплатных шикарных домов, субсидируемой шикарной пищи и т. п.), которые они сами себе устроили. (Председатели ряда американских корпораций получают совершенно нелепые зарплатные до 3 миллионов долларов в год. Зарплаты британских председателей корпораций несколько меньше, но того же порядка.) В то же время, британские корпорации уплатили налог на корпорации всего 8,4 миллиарда фунтов стерлингов. Таким образом расходы на удовольствия британских менеджеров составляют самую главную и самую крупную статью расхода. Американские и другие менеджеры от британских, конечно, не отстают.

2) В том же исследовании отмечено, что менеджеры и вообще не особенно считают общественные деньги: "только немногие из высших менеджеров имели какое-либо представление о величине указанных издержек". (The Times, 17-5-85) Вполне естественно, что менеджеры эти не могут не подкупать сотрудничество своих подчиненных. Поэтому и менеджеры "частных" корпораций не могут должным образом противодействовать своим трудящимся, не говоря о противодействии самим себе.

Следует обратить внимание читателя и на следующий факт. Имущество корпораций "принадлежит" миллионам акционеров. Имущество СССР тоже "принадлежит" советским "акционерам" — миллионам трудящихся. Корпорации управляются Советом директоров, а "гигантская корпорация" СССР управляется Политбюро. Рядовые акционеры падных корпораций, как и рядовые трудящиеся СССР, имеют примерно одинаковую возможность управлять "своим имуществом". В обоих случаях управляют "киты", а не рядовые "собственники". Поскольку своя рука — владыка, Политбюро и Совет директоров совместно с "китами" обдирают акционеров по прин-

ципу: с миру по нитке "голому" рубашка или с миллиона по копейке, трудящемуся миллион. Разница в том, что на Западе корпораций много, а в СССР только одна. На Западе есть остатки рыночных отношений, а в СССР их нет совсем. Ну и, конечно, западный акционер может продать свои акции и так вернуть свое имущество в свое собственное распоряжение. У советского "акционера" имущество отобрано навсегда. Так или иначе, но западные корпорации — это не капитализм, а солидный кусок социализма.

5. Единственной достаточно мощной силой, способной противостоять саморазрушительным интересам трудящихся, является сила миллионов собственников, которые являются одновременно предпринимателями и управляющими. Они управляют своим собственным имуществом и распоряжаются своими собственными деньгами.

Их эгоистический интерес направлен против эгоистических интересов трудящихся и заключается в том,

чтобы выжать из трудящихся побольше и получше труда в не слишком шикарных условиях за минимальную зарплату. (Конечно, они тоже имеют не менее, чем у трудящихся, огромное множество мотивов для своей деятельности, как материальных, так и духовных, как высоких, так и низменных. В данном случае нас опять интересует все тот же эгоистический мотив.)

Если между собственниками, кроме того, есть достаточно сильная конкуренция, она сильно умеряет их собственные эгоизм и жадность. Им приходится добиваться взаимовыгодных компромиссов с трудящимися и их добровольного сотрудничества. Однако добиваются они этого, необходимого во всех случаях сотрудничества не подкупом за чужой (государственный или акционерный) счет, а именно разумными, взаимовыгодными компромиссами, обеспечивающими необходимую для дела прибыль, а, следовательно, общественную полезность и эффективность.

Положительный (социальный)

баланс между этими двумя много-миллионными силами приводит и трудящихся и всю страну к материальной и духовному процветанию и к ликвидации всех тех бед, которые были указаны выше.

Социальный баланс является единственным реальным способом осуществления всеобщего духа сотрудничества, общественной солидарности, взаимопомощи, политической и экономической стабильности в мире рыночного всеобщего духа "классовой" борьбы и свары, господствующего в условиях полной потери политического и экономического равновесия. Нетрудно видеть, что этот социальный баланс будет, однако, недостижим, если будут продолжать существовать гиганты и монополии: государственные, банковские, промышленные, партийные, профсоюзные. Эти монополии в междоусобной борьбе за господство подминают под себя собственников предпринимателей, а также всякую "мелочь", так важную для здоровой экономики, раздирают страну на враждеб-

ные лагеря, дестабилизируют и экономику и политику. Правительства под воздействием этих мощных, неуравновешенных сил все время сбиваются с курса и не могут нормально функционировать.

Равновесие между гигантами невозможно. "Покой" может наступить только тогда, когда одна гигантская монополия (как в СССР — государство) подчинит себе все остальные. Трудно сказать, какая монополия на Западе одержит верх: государственная, банковская, партийная, профсоюзная? Ясно одно, что тогда наступит социалистический рай — "наиболее совершенная организация человеческого общества" независимо от того, кто будет вождем: председатель разросшегося до размеров государства Джеренгал Моторс, председатель Федеративного Резервного Банка, председатель Демократической или Республиканской партии или председатель профсоюза Тимстеров.

А. ФЕДОСЕЕВ

ПОРТРЕТ

После продолжительной и тяжелой болезни, 27 мая 1986 года, ушла в лучший мир наша дорогая Эллочка Говорецкая, урожденная Муравьева. Всегда скромная, всегда тихая, всегда на своем посту, полная любви и доброй воли, с большим чувством ответственности и сознания своего долга, она была незаменима.



Все для семьи, все для своих детей и совместно с этим для всех семей, которые ее окружали и для всех детей; в особенности — русских детей Буэнос Айреса.

Пережив тяжелое детство, полное горечи и лишений, она хотела, чтобы ее дети и все дети были веселы, радостны и счастливы.

Семья Говорецких — одна из редких семей, которая "ин корпоре" принимала участие в жизни школы и гимназии Организации Российских Юных Разведчиков, уча и уча, начиная с 1968 года, то есть 18 лет без перерыва. Всю воспитательную деятельность ОРЮР Говорецкие рассматривали как свое семейное дело, которое нужно развивать, оберегать и — главное — любить.

Сколько детей не говорящих по-русски, благодаря Эллочке, полюбили этот язык, научились ему и восприняли русскую культуру!

На любой призыв о помощи Эллочка с ее мужем, Жоржем, являлись сразу. Сегодня таких людей не найти!

По своей работе и положению Эллочка могла быть полноправным руководителем ОРЮР. Но предпочла поддерживать организацию как мать, зная насколько это нужно в нашей нелегкой и подчас неблагодарной работе.

Эллочка завоевала наши сердца и стала с нами в единый фронт борьбы за русскую молодежь, за Россию.

Она вошла в список верных и каждый год на переключке, когда вызовут — "Рук. Эллочка Говорецкая", последует ответ: умерла на посту! Вечная память!

Начальник Отдела ОРЮР
Г. Л. Лукин

ОРЮР выражает глубокое соболезнование мужу Георгию Владимировичу; дочерям Александре, Елене, Маргарите; матери Маргарите Измайловне, свекру Владимиру Георгиевичу и семьям Глаголь и Чуриловым.

ПЕЧАТЬ

КЛЕВЕТА НА ПАНОВУ

Благодаря ценным публикациям Сары Бабеньшевой, мы знаем, и уже отметили в нашей газете, что известная подсоветская писательница Вера Панова, мужа которой большевики замучили в концлагере, была человеком глубоко верующим, и в душе антикоммунистически настроенным. Живя в СССР, она, ясное дело, не все могла выразить, что думала. Но ее в реальности русский, а не советский патриотизм, ее любовь к родному народу и понимание его страданий все равно проявлялись в ее творчестве; что, опять же, "Наша Страна" отметила уже давно, еще при появлении первого — и самого лучшего — романа Пановой, "Спутники".

Не слишком удивительна враждебность к ней Раисы Орловой, вовек бессовестной приспосабливки (или, как она сама упрямает, искренней большевички) перенесшей ныне на Запад свои ярко розовые чувства. В малосимпатичном органе В. Чалидзе "СССР: Внутренние Противоречия", она ядовито критикует Панову по вполне вздорному поводу: когда той поручили написать предисловие к пустопорожней, но в тот момент модной книжке американца П. Салинджера "Над пропастью во ржи", а потом потребовали каких-то изменений, она отмахнулась: пусть себе переделывают как хотят!

У Орловой нашелся однако поклонник, который не только повторяет, но еще и огрубляет, точнее

сказать охамляет ее нападки. В № 9 парижского журнальчика "Заря", некий П. Ковылев пишет: "Оказывается, "жратва" ("Вера Панова любит пожрать...") и служила источником вдохновения, что написано сталинской лауреаткой, у которой явно был определен вполне эластичное сознание".

Хотелось посоветовать ничтожному и не вполне грамотному г-ну Ковылеву: "Не судите по себе людей, гораздо более крупных, чем Вы!"

ССОРЫ В ЛЕВОМ СТАНЕ

На страницах бюллетеня "Новая Россия" от 17 сентября 1985 года, М. Поповский жестоко критикует "Новое Русское Слово": "Выработке русского общественного мнения, русской политической программы, могла бы содействовать единственная на Американском материке русская ежедневная газета. Но издание это превращено тщеславным и сребролюбивым хозяином в предприятие, единственная цель которого выколачивать деньги у читателей. Главная забота редактора и его помощников — количество объявлений и такая пропорция "спокойных" материалов, чтобы никто не обижался и все покупали газету. Ради "спокойствия" на страницах газеты глушится любая дискуссия, любая живая мысль. Имена тех, кто может высказать что-нибудь оригинальное или нестандартное, на страницах газеты приказано не упоминать. В результате, газета устранилась не только от формирования общественного мнения, но и от простого освещения эмигрантской жизни".

В. Р.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Национальная, внепартийная, общественная еженедельная газета, издаваемая в городе Сан-Франциско, США с августа 1921 года.

Редактор А. А. Соллогуб

Подписка на 1 год — 60,- долларов, на полгода — 35,- долларов, на 3 месяца — 20,- долларов.

Подписку направлять по адресу:
2460 Sutter Street, San Francisco, Ca. 94115

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

мимикрия

в С.С.С.Р.

Цена: — 7 ам. долларов, в Аргентине — 2,80 австралий

Выписывайте эту, прекрасно изданную с иллюстрациями на 322 страницах, книгу из редакции "Нашей Страны":
Miguel Kireeff — Monroe 3578 — 11
1430 Buenos Aires, Argentina

БИБЛИОГРАФИЯ

"За чей счет?" Сборник статей под редакцией Ю. Фельштинского (Эрмитаж, 1986).

Мы должны быть глубоко признательны молодому и талантливому историку Ю. Фельштинскому за мысль объединить в одной книжке полемические статьи семи авторов, направленные против так называемых наших плюралистов. Рассеянные по различным органам печати, за разные годы, они были менее доступны читателям и не настолько эффективны как теперь, собранные вместе и даже иногда в расширенной форме.

При всем разнообразии взглядов представленных здесь писателей и публицистов 3-ей волны, их вдохновляет общая любовь к правде, побуждающая их, — по крайней мере, в рамках данного тома, — защищать русский народ и великого выразителя в наши дни русского патриотизма, А. И. Солженицына.

Что авторы эти, в остальном, не принадлежат к какой-либо единообразной или спаянной группе, литературной либо политической, о том достаточно ясно говорит их список: Ю. Фельштинский, Н. Коржавин, Д. Штурман, А. Тамарченко, В. Буковский, М. Агурский и Ю. Мальцев.

Зато о направлении их общих усилий свидетельствует другой список, список лиц *против* которых адресуются их возражения: А. Янов, В. Чалидзе, Г. Бель, А. Зиновьев, М. Михайлов, Г. Померанц; то есть безусловные и злые враги какого бы то ни было возрождения России. Ну, им и достается тут на орехи!

А для дальнейшей борьбы с ними любой из нас найдет здесь ценнейший арсенал аргументов и пригодных для использования фактических данных.

Каждую из статей следовало бы разобрать отдельно; но это, увы, невозможно по недостатку места. Мы принуждены ограничиться цитированием нескольких наиболее типичных пассажей.

Парируя атаки Чалидзе на Солженицына, Фельштинский совершенно справедливо указывает: "Любой здравомыслящий человек согласится с тем, что А. Солженицын не может отвечать за многочисленные статьи российских и эмигрантских авторов, независимо от того, считают ли себя сами авторы последователями Солженицына или нет". И еще более метко продолжает, характеризуя Советский Союз: "Но государство это — не национальное. А русские в нем страдают не меньше других".

Н. Коржавин так определяет сущность большевизма, да и коммунизма вообще: "Есть разница между злом, которое происходит от естественного человеческого копошения, от хищничества, корысти, жестокости, тупости, вносимых людьми и в государственную жизнь, иногда накладывающих на нас отпечаток неприятный, — от зла, творимого целенаправленно и организованно, в надежде, что от него образуется добро. В первом случае это человеческая стихия, которую человечество всю историю стемится урегулировать так, чтобы это стихийное зло было введено в границы. Во втором — зло применяется сознательно в процессе творческой переделки одного человека по приблизительным чертежам другого. Оно всегда абсолютно. Ибо задача эта безгранична".

Д. Штурман прекрасно выражает принципиальное различие белых и

красных в годы гражданской войны в России: "У белых не было такой задачи, которая потребовала бы в случае их победы перманентного насилия надо всем обществом. Зато их поражение стало условием террора непреходящего и неустрашимого".

В дискуссии с одним из самых злостных клеветников на Солженицына, непрестанно запугивающим Запад возрождением России, А. Яновым, М. Агурский так отзывается о предшествующей деятельности своего оппонента в СССР: "Янов в своих взглядах колебался в точном соответствии с линией идеологического отдела ЦК КПСС, причем колебался вдохновенно, с присущим ему блеском. В этом, может быть, и заключается главный и неоспоримый талант Янова — вдохновенно и талантливо колебаться и перевоплощаться".

Полемизируя с А. Зиновьевым, защищающим советский строй, Ю. Мальцев констатирует: "Но Зиновьеву ведь отлично известно, что по подсчетам марксиста Р. Медведева, за один только год коммунистической диктатуры в России уничтожилось больше людей, чем за всю историю дома Романовых". И добавляет: "В отличие коммунистической системы даже от гитлеровского режима, который был всего-навсего политическим режимом и не пронизывал всего общества до самых основ, Зиновьев видит чуть ли не ее "историческую" заслугу, находит "естественность" как раз в том, что есть самого жуткого (тоталитаризм) и самого противостоительного в коммунизме. Двадцатый век достаточно продемонстрировал нам, что история может быть бредом сумасшедшего, торжеством абсурда, лжи и жестокости".

В. Буковский отмечает враждебное в своей глубине отношение Запада ко всякой оппозиции большевизму внутри и вне СССР: "Для определенной части западного *истэблшмента* мы со своим движением — как кость в горле. Им бы договориться с советскими полюбовно, "ограничить вооружение", уступить все, что требуют, — ведь все равно отберут, так лучше отдать. Словом, брось, а то уронишь. Главное же продавать, продавать, продавать, — все, что можно, от кока-колы до человеческого достоинства". Столь же верно и такое его наблюдение: "Никоим образом нельзя сравнивать недовольство людей на Западе своим правительством и ту дремучую ненависть, которая есть в наших краях к *власти*". Заметим и следующие его слова: "Видя какую-нибудь несуразность советского производства (или жизни), пожилой человек скажет — в старые времена так не бывало (хоть, может, и знает о том лишь по рассказам)... Молодежь же чаще скажет: вот на Западе так не бывает (и, к сожалению, ошибается)".

Зато весьма неприятны у того же Буковского попытки оправдать разврат и порнографию на Западе (и какими глупыми доводами!).

А. Тамарченко, критикуя построения М. Михайлова, обстоятельно и сдержанно анализирует различные виды *плюрализма*, и приходит к нижеследующему заключению: "Конечно, не всякий плюрализм принципиально отрекается от национальных интересов и национального чувства. Здесь тоже существуют разные тенденции и возможности. Решительные возражения вызывает лишь тот "плюрализм без берегов", который почитает национальное чувство злостным пережитком, а в области гносеологии и этики сливается с релятивизмом — с отказом от поисков общезначимой истины и от всякой иерархии ценностей, объединяющей

людей".

В целом остается сказать, что такие публикации как проанализированная нами выше, принадлежат к числу самых полезных и нужных, каких, к несчастью, слишком мало появляется в наше время. Дай Бог, чтобы за нею последовали и другие в том же роде!

Е. Сайн-Витгенштейн. "Дневник" (Париж, 1986). Всероссийская Мемуарная Библиотека, 5.

Написанные прекрасным русским языком и с явным литературным талантом, хотя абсолютно неприязнительные и сугубо интимные записки светлейшей княжны Сайн-Витгенштейн охватывают напряженную эпоху (1914-1919 гг.) и тем более интересны, что их составительница смотрит на вещи здравым взглядом, несмотря на неизбежные у нее, в качестве современницы событий, сомнений и колебаний, свойственных тогдашнему культурному обществу. Например, будучи последовательной монархисткой, она тем не менее пыталась какой-то срок иллюзии о честности и благих намерениях Керенского. (Кстати, отметим, что вот уже в те годы она многократно употребляет слово *монархизм*, которые некоторые считают теперь уродливым и недавним новообразованием).

С другой стороны, для нас сейчас даже странно ее преданность и верность интересам союзников и искреннее сокрушение, что Россия, выходя из войны, обманывает их доверие. Удивляет и ее горячая враждебность к немцам и австрийцам, самые *рожи* которых ей нестерпимо видеть на русской земле. Сама же она, и вся ее семья, несмотря на германское происхождение (их предок поступил на русскую службу в 1762 году), целиком ощущают себя русскими патриотами, и иного подхода к вещам себе даже и не представляют. К концу "Дневника", Екатерина Николаевна начинает однако разгадывать подлинный лик держав Согласия, которые ничем не намерены помочь России, хотя и не прочь бы ее между собой поделить и по мере возможности ограбить.

Большую часть охватываемого в книге периода семья Сайн-Витгенштейнов (родители, три дочери и их два брата) провела в своем поместье Броница близ Могилева Подольского или в самом этом городе; оттуда, в конце концов, через Днестр, они переместились не без значительных трудностей в Румынию. Наблюдая украинских сепаратистов, юная княжна приходит к справедливому, но печальному о них заключению:

"Еще до войны... знаменитый "украинский вопрос" ... не мог не интересовать нас. Выдуманное австрийской дипломатией движение, которое тогда называлось "мазепинством" и которое имело много приверженцев в Галиции, тогда не возбуждало особенного беспокойства в России... Так думали только австрийские агенты".

В другом месте, одобряя статью В. Шульгина в "Киевлянина", она комментирует: "Живя в столице Украины, он не боялся выводить на чистую воду проделки Грушевского и др."

С первых лет революции, 18-летняя девушка превосходно поняла ее сущность: "Россия соскочила с рельс 27 февраля и остановится только тогда, когда упадет до самого низа откоса".

И, обращая ко Временному

Правительству, она добавляет: "Из сброда предателей и дезертиров вы не сделаете опять былую, великую духом русскую армию, которая славилась в течение столетий; вы не вытравите из нее пропаганду большевиков... Вы не сделаете из крестьянина, ставшего бессовестным работником, прежнего честного работника. И тут большевики успели сделать свое дело: сказать крестьянам: "Бери, что не твое, грабь награбленное, ты единственный человек, который имеет право жить, бери добро других, оно будет твое, а их самих вешай и жги... Может ли рабочий, привыкший теперь быть правителем России, привыкший проводить время только на митингах и в вооруженных манифестациях и получать за это интересное времяпровождение большие суммы русских и немецких денег, может ли этот развращенный рабочий стать идейным и хорошим человеком?.. Теперь если что-нибудь спасет Россию, это будет та контр-революция, та реакция против которой вы предостерегаете граждан, не замечая, что вы предостерегаете их против вас самих".

Событие в целом рисуется автору "Дневника" так: "То, что сейчас происходит — ужасно... Но зачем искать кого-то одного виноватого? Надо храбро признаться, что виноваты все вместе или никто. Конечно, большевики бесспорно виноваты в том, что, будучи подкупленными, развращали своей пропагандой армию и крестьян; виноваты и солдаты, что, спасая собственную шкуру, бежали со своих позиций и убивали офицеров, которые старались остановить это бегство; виноваты и рабочие, которые ничего не делали для обороны страны, поглощали ее денежные средства; виноваты и крестьяне, не желающие давать хлеб городам и армии; виноваты и железнодорожники, и торговцы, и промышленники. Виноваты и разные политические организации и политические партии".

Порою она возвышается до уровня пророчества: "То, чем Россия гордилась веками, в один день было разрушено варварскими руками озверевших солдат. Зачем теперь культура, памятники старины? Зачем собор, где короновались все русские цари? Россия гибнет. Ее топят в грязи и крови ее же сыновья. Какое чудо воскресит дух народа? Какое чудо заставит его опомниться и спасти то, что он же и погубил? Нет, это сделает не чудо, потому что русский народ не достоин его, а это сделает великая нужда и горе... Только слезами горючими да морем крови смоемся тот позор, которым покрыла себя Россия? Я, которая верила, что русский народ получит награду за свое долготерпение страдание, теперь начинаю думать: достоин ли этой награды тот народ... для которого нет ни Бога ни чего-либо святого? Может быть, он когда-нибудь и получит эту награду, но раньше он тяжело искупит свои преступления".

Магия повествования принуждает нас, с первых страниц до последних, с живыми любопытством и сочувствием следить за приключениями, размышлениями и переживаниями автора, ее отца с матерью, ее сестер и братьев. Их всех ждала за рубежом, — где они оказались в числе первых ласточек русской эмиграции, различная судьба, кратко изложенная в эпилоге. Катя, с которой мы ближе всего знакомимся через ее рассказ, дожила до преклонных лет и умерла в 1983 году в Вене как графиня Разумовская, мать многочисленных детей и бабушка, окруженная внуками и внучками.

Владимир Рудинский

Среди книг

ЛЕТОПИСЬ ТЕМНОЙ ДУШИ

По отзывам современников, Н. Крандиевская, состоявшая много лет в супругах у А. Н. Толстого, была когда-то хороша собой. Фотография, приложенная к ее "Воспоминаниям" (Ленинград, 1977), изображает ее уже старухой с расплывшимися и отталкивающими чертами лица. Отталкивающие, в основном, получились у нее и мемуары.

В 7 лет, забившись под одеяло она повторяла: "Бог маленький, Бог горбатый, Бог дурак!", и не диво, что испытывала затем непреодолимый ужас. Истинно, наваждение дьявольское! Однако и ребенок с такими задатками есть нечто пугающее. Неистово честолюбивая, она с детства хотела быть предметом всеобщего внимания: когда среди позванных к ней в гости детей оказалась талантливая девочка, очаровавшая сверстников и взрослых своим пением и танцами, маленькая Наташа добилась, чтобы ту больше не приглашали.

Но был ей послан и настоящий Искуситель, опасный не только малым сим... Воспитанная в свободомыслящей левоинтеллигентской семье, она рано начала обожать посещавшего их М. Горького. *Доброта* этого последнего рисуется ею своеобразно. Он, например, пожалел понаслышке бедную безработную учительницу с маленьким сыном, и родители Крандиевской приютили ту у себя. Но, приехав в Москву, где он был их соседом, Горький, увидев непривлекательную женщину, рассыпавшуюся в униженных благодарностях, невзлюбил ее и потребовал немедленно убрать! С некоторой неловкостью, Крандиевские пристроили ее куда-то в далекую провинцию...

Добро Горький делал не на свои, конечно, деньги, а на средства некоего Скимунта, боготворившего его поклонника, внезапно получившего большое наследство. Скимунт попал позже в ссылку, бежал за границу, имел глупость вернуться после революции, и кончил жизнь приживальщиком у брошенной жены Горького, Е. Пешковой. Ссылка-то, впрочем, была не тяжелая, в Лодейное Поле, где пострадавший жил все равно что в родовом поместье, и даже руководил оттуда действующим в Петербурге издательством!

Роман Крандиевской с Толстым носит сумбурный и шальный характер декадентства Серебряного Века. У нее, не слишком талантливой поэтессы, имелся муж, адвокат (она его не называет; но, видимо, его фамилия была Волькенштейн); у него — уже вторая по счету жена; а ухаживая за нею, он попутно стал женихом балерины Кандауровой! Все же они распутали эти узлы и сошлись. Ветер революции вынес их во Францию. Вернулись они якобы из патриотизма: только очень фальшиво звучат соответствующие страницы "Воспоминаний"!

Вот картина пиров и оргий у Толстого в Царском Селе (тогда называвшемся Детское Село) описаны ярко; причем сожителяница не стыдится жаловаться, что мол трудно было найти к обеду миноги или лучшие сорта вина, какие прихотливо заказывал модный советский пи-

сатель!

Потом она Толстому надоела, и он ее цинично выкинул из дому. Об этом ей явно хотелось рассказать откровенно; но, как довольно бесстыдно указывает в предисловии В. Рождественский, книга ее была при печатании подвергнута "некоторым сокращениям".

Лживые картины старой России, кишевшей будто бы сыщиками (но столь добродушными, что их могла отвлечь со следу девочка, попросив покатасть ее на салазках!), эмиграции, состоявшей будто бы из *конченных людей*, мечтавших воздвигнуть виселицы в России после контр-революции (что ж, отчего бы и не пометать! виселицы еще и понадобятся...), — книжку закрываешь с облегчением... А ведь о многом могла сочинительница рассказать; но: об одном не пожелала, а о другом ей не позволили.

ТРИ СТРАШНЫХ МИРА

Случилось мне частью прочесть, частью перечитать 3 книжки В. Самарина ("Тени на стене", "Цветы времени", "Теплый мрамор"). Близко знакомые картины, отраженные верно и с талантом. Автор — специалист сверхкороткой новеллы в 1-2 страницы, редко больше. Спрашиваешь даже себя, не следовало ли ему написать лучше роман? Впрочем, рассказы, взятые вместе, как бы и образуют роман; точнее биографию главного героя.

Сталинская Россия с доносами, ночными арестами, ледяным адом концлагерей... война, явившаяся своего рода облегчением: со злом, с коммунистической нелюдью можно стало бороться с оружием в руках, во власовских или антипартизанских отрядах... и потом Америка, с ее нелепыми и часто безобразными причудами, начинающимися со въездных анкет и всецело пронизывающими быт в Штатах.

Привлекает особое внимание сатанинская фигура советского шпиона и провокатора Шонберга в "Документах эпохи", и сходные — в других рассказах: чекиста, втершегося к немцам и толкающего их на жестокости и несправедливости в отношении населения, на благо Советам. Шонберг погибает, застреленный красноармейцем, не понявшим или скорее

не пожелавшим понять, с кем имеет дело; но иные, подобные ему, благополучно переживают войну ("Советь шакала"). Увы! последний вариант и правдоподобнее... Помню одного сам; рискну и инициалы назвать: Н. П. Р. (вряд ли он отзовется!). Так этот, имея руки по локоть в крови, и еврейской, и русской, после раторы в немецкой полиции, всплыл у англичан в Италии и орудовал по части выдачи новых эмигрантов. А там — головокружительная карьера в одной русской политической организации, и параллельно, — на службе у американцев; власть, почет... какие мало кому из эмигрантов достаются. Здравствует и по сей час. Признал ли себя сей Иуда в зеркале, представленном Самариним?

Хорошо обрисована русская деревня, слегка оттаявшая при немецкой власти, и ее отпор зверям в человеческом образе, — советским партизанам. Любопытно, что ее описания перекликаются с теми, которые дал нам Ю. Мацкевич в своей книге "Об этом нельзя говорить громко". Правильно выражена психология русских антибольшевиков в тот период, устами подсоветского инженера, ставшего в условиях оккупации городским головой: "С немцами потом справимся, сначала нашего усатого свалить надо!" (в том же рассказе "Документы эпохи", вообще одним из самых удачных у Самарина).

Неоправдавшиеся надежды, чудовищные расправы над ними со стороны союзников... Когда, в лагерях для перемещенных лиц, "Время шло такое, что войну вспоминали даже с теплым чувством".

Только и остается произнести этим лучшим сынам России наших лет надгробное слово строкою Лермонтова:

Лихая им досталась доля!

И вот — вроде было безумие и ослепление Запада миновало; его даже и стыдиться начали. А теперь — все возобновляется опять, в самых подлых формах! И автору разбираемых произведений довелось оказаться жертвою тупоумия Америки и всеилия в ней большевицкой агентуры... Что ж: "Блаженные гонимые правды ради!"

Савва Юрченко

И смех и грех...

Мы рождены, чтобы сказку сделать чернобылью...

Приходит к доктору гражданка в дорогой меховой шубе и говорит: "Доктор, посмотрите мои уши, я стала плохо слышать".

"А вы гражданка — партийная?" спросил доктор.

"Да. Но как вы угадали, по мехам?"

Нет, по ухам".

Языковые Уродства

БАРНЕЙ

В "Панораме" № 248 опубликован отрывок из книги С. Шульгина "Инопланетяне над Россией", под заглавием "Следы Н. Л. О. на земле", сам по себе интересный по сюжету и живо написанный.

Но вот в нем появляется на сцену некий американец Барней Хилл, и его имя автор склоняет весьма странным образом: "вместе с Барней", "медицинское обследование не восстановило здоровья Барней".

Трудно понять, почему? Откуда взялись эти курьезные формы? Иностранное имя Барней должно бы, безусловно склоняться как русские имена Гордей, Еремей, как фамилии Лалей, Кочубей, как татарские имена типа Шигалей, Едигей. Так же точно всегда у нас склонялись иностранные имена и фамилии вроде Муррей, Маколей, Веверлей. И если написать Муррэй, то это тоже ничего не меняет. Вот если написать Барни, то имя делается несклоняемым; но так, как раз, писать и не надо.

Если же написано *вместе с Барней, здоровье Барней*, то создается впечатление, что речь идет о женщине. Так бы мы и поняли, если бы в тексте не было ясно уточнено, что это — мужчина.

Тем более нужно осудить употребление подобных конструкций; они не только нарушают грамматические правила, но и искажают смысл.

Аркадий Рахманов

Зарубежная Жизнь

КО ВСЕЗАРУБЕЖНОМУ СЪЕЗДУ МОЛОДЕЖИ

Правление Покровского Кружка Молодежи в Найке (штат Нью Йорк) обратилось к "архипастырям, пастырям, бабушкам, дедушкам, родителям, братьям и сестрам" с воззванием, которое "Наша Страна" воспроизводит ниже:

"С чем можно сравнить богатство нашей святой веры, нашу принадлежность Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви — к Телу Христову, в Котором все ветхозаветные пророки и праведники, новозаветные апостолы, святители, преподобные, сонм мучеников и мучениц, новомученики Российские и неисчетное множество святых ангелов и архангелов?"

Велик наш долг перед вами, глубока наша благодарность за то, что вы нам передали такое драгоценное сокровище — святую православную веру! Всеми силами мы будем стараться эту святиню сохранить и передать последующим поколениям.

И в этом трудном деле мы, как всегда, надеемся на вашу поддержку. Нам нужны средства достойно провести наш Всезарубежный Съезд Молодежи с 3 по 13 августа 1986. Призы одного только Конкурса на тему: "Как мне держать что имею" стоит нам свыше 1500 американских долларов.

Воскресший Спаситель мира да воздаст вам за все сторицею".

Председательницей Покровского Кружка Молодежи является Татьяна Будзилович, секретарем — Татьяна Парина, а казначеем — Георгий Хечинюв.

Его адрес:

The Parish of the Russian Orthodox Holy Virgin Protection Church
38, South Mill Street, NYACK, New York — 10960 — USA.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,30. В остальных странах — 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "монеи ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Interes general. Conces.No. 3980